

Руслан Солопенко

МАЛАЯ БЫЛИНКА

(Заметки о первом сборнике И.С. Никитина)

*Язык друга должен быть прямым
и чистосердечен.*

И.С. Никитин

Руслан Рустамович Солопенко родился в 1990 году в Воронеже. Окончил Воронежскую духовную семинарию, исторический факультет Воронежского государственного университета. Работал старшим научным сотрудником Воронежского областного литературного музея им. И.С. Никитина. Автор многих краеведческих публикаций в воронежских периодических изданиях, а также нескольких книг: «Нижний Кисляй: вехи истории», «Ваш друг, Иван Хлебопеков», «Воронеж Ивана Никитина. Путеводитель по Никитинским местам». В настоящее время занимается исследованием биографии русского поэта Ивана Саввича Никитина. Живет в Воронеже.

Прошлый 2024 год ознаменовался двухсотлетием со дня рождения русского поэта Ивана Саввича Никитина (1824–1861). Золотыми буквами его имя вписано в историю отечественной литературы. К большому сожалению, несмотря на многочисленные литературоведческие публикации о поэте, его биография на сегодня все еще полна «белых пятен» и противоречий, а некоторые аспекты жизни и творчества вовсе неизвестны широкому читателю.

«...ПЕРВЫЕ ОПЫТЫ МОЕГО ТРУДА»

Литературный дебют Ивана Никитина состоялся довольно поздно, в 29 лет. В 1853 году в ноябрьском номере газеты «Воронежские губернские ведомости» редакцией было напечатано посланное Никитиным одно из его ранних стихотворений «Русь». Совсем скоро на литературное творчество воронежского самородка обратили внимание и в столице — Санкт-Петербурге. «С.-Петербургские ведомости» перепечатали это стихотворение и опубликовали в своем 275 номере. Стоит сказать, что полным ходом шла Крымская война, и на волне патриотического подъема никитинская «Русь» вызвала большие общественные симпатии. Газета

спысала: «Не правда ли, что-то знакомое слышится в этом стихотворении... Неужели в г. Никитине суждено воскреснуть Кольцову? А ведь есть надежда!..»

С самого начала стихи Ивана Саввича критики от литературного цеха сравнивали со стихами его знаменитого земляка — Алексея Васильевича Кольцова, и это сравнение преследовало Никитина до конца его жизни, нанося ему душевные раны. Нужно сказать, что не только «Русь» якобы содержала кольцовские мотивы, но и, к примеру, другое стихотворение — «Встреча зимы». Из сохранившихся писем Ивана Саввича отчетливо видно, что в подражании Кольцову его уличали даже близкие товарищи по Второвскому кружку — в частности, Александр Петрович Нордштейн¹.

Так, в письме И.С. Никитина к Н.И. Второву в декабре 1854 года поэт сетовал: «"Встреча зимы", сколько я мог заметить со слов Александра Петровича, кажется ему подражанием Кольцову; видно, этим размером мне не суждено писать. Так и быть! Честь имею откланяться этому размеру... Насильно мил не будешь...»

Так или иначе, благодаря первым публикациям на Ивана Саввича обратили внимание многие передовые журналы страны — «Отечественные записки», «Пантеон», «Современник» и другие, в которых он периодически печатался. Помимо прочего завязались знакомства со многими представителями местной и московской интеллигенции. Поспособствовали этому участники воронежского историко-этнографического общества (Второвского кружка) и, в частности, сам его организатор Николай Иванович Второв, ставший для поэта лучшим другом.

Именно Второв ознакомил представителя Московского Общества истории и древностей графа Дмитрия Николаевича Толстого со стихами Ивана Никитина, которые тому очень понравились.

В своем ответном письме к Н.И. Второву 4 января 1854 года Д.Н. Толстой писал: «Присланные Вами стихи Никитина я получил и благодарю Вас за них от всего сердца...» Далее Толстой после хвалебных речей в адрес воронежского поэта сетует на то, что, к сожалению, некоторые стихотворения литератора уже опубликованы в журналах (которые он недолго любил), а хотелось бы «напечатать его отдельно» (издать сборник. — Р.С.). Граф просит Второва прислать ему для публикации другие стихи Никитина, и Николай Иванович сообщает своему другу о том, что Д.Н. Толстой захотел издать за свой счет отдельную книгу его произведений.

В апрельском письме к графу того же 1854 года Иван Саввич пишет: «Вам угодно было изъявить свое желание, переданное мне Николаем Ивановичем Второвым, о присылке к Вам для напечатания моих стихотворений. Не знаю, чем и как благодарить мне Вас... Прилагая при этом письмо собрание моих стихотворений (посвященных мною Николаю Ивановичу Второву и Константину Осиповичу Александрову-Дольнику в знак моей к ним признательности за все, чем я им обязан), я осмеливаюсь передать эти слабые опыты моего труда в Ваше полное распоряжение и просить для них Вашего высокого покровительства...»

После такого неожиданного предложения Иван Саввич с головой погрузился в подбор и редактуру своих стихов для сборника и одновременно приступил к написанию поэмы «Кулак» — одной из самых значимых своих вещей. Выбранные стихотворения он отправил незамедлительно графу Толстому.

Весь 1855 год Никитин в мучительном предвкушении ждал выхода сборника, а он все не выходил. Более года уже прошло с тех пор, как рукопись с никитин-

¹ Александр Петрович Нордштейн (1809 – 1880) с 1852 по 1856 годы — член воронежской губернской строительной и дорожной комиссии. Входил в городское историко-этнографическое общество «Второвский кружок». Сыграл немаловажную роль в литературной судьбе поэта.

скими стихами попала в руки к Толстому. Долгое время оставалось неизвестным, по какой причине книга не выходила в печать, и только благодаря трудам литературоведа А.Г. Фомина удалось пролить свет на эти обстоятельства.

В одном из найденных писем графа Д.Н. Толстого к Н.И. Второву стала известна причина этой задержки. Толстой просил Второва передать Ивану Саввичу слова извинения. Проблема заключалась в цензурном комитете, который долго держал рукопись поэта. Только 29 мая 1855 года было получено разрешение комитета на публикацию стихов. Также не осталась в стороне и пристальная духовная цензура. Толстой продолжает: «Духовная цензура так долго задержала стихи Никитина, любезный Николай Иванович, — что я уехал из Санкт-Петербурга, не дождавись их выхода. Вот причина, почему они доселе не изданы».

Фомин предполагал, что сборник мог быть подготовлен в декабре 1855 года, так как все в тех же письмах Толстого написаны такие слова: «Спешу уведомить, что стихи Никитина скоро выйдут из печати. Книжка в типографическом отношении будет очень хорошенькая... Цензурою перемен сделано весьма мало, а не пропущена одна пьеса (стихотворение. — Р.С.) «Моление о чаше»».

Отмечу, что к 1856 году Иван Саввич пересмотрел свое отношение ко многим взглядам, отраженным в стихах. К указанному году он уже не хотел публиковать иные произведения, но в феврале 1856-го книга все же была отдана в печать. Называлась она так: «Стихотворения Иван Никитина. Издал гр. Д.Н. Толстой. Воронеж 1856/7364». На обороте титульного листа напечатано: «Санкт-Петербург. В типографии Г. Бенике». В сборник вошли стихи, написанные с 1849 по 1854 годы, всего 61 пьеса. Книга имела 219 страниц и содержала предисловие Толстого. Тираж составил 1000 экземпляров, что для того времени было немало. Как и просил Иван Саввич, сборник стихов посвящен двум его друзьям — Н.И. Второву и К.О. Александрову-Дольнику.

Граф потратил 300 рублей серебром своих личных денег на это книжное издание. В очередном письме к Второву он сообщал, что продажная цена книги составляет 1 рубль, а «в возврат моих денег я беру 300 экземпляров, которые буду продавать моим приятелям». Далее он просил Второва, чтобы тот сказал Никитину написать письма императорской семье, а сам 12 марта 1856 года лично поднес царственным особам сборник стихотворений И.С. Никитина от его имени. Толстой в привычном духе, скорее всего, из доброжелательных побуждений сделал этот шаг, чтобы на Ивана Саввича обратили внимание царственные особы. Сам же поэт и понятия не имел о таком «подходе» своего книгоиздателя.

Никитин внял просьбе Толстого и написал несколько писем Романовым — императору Александру Николаевичу, царствующей императрице Марии Александровне, вдовствующей императрице Александре Федоровне и великому князю Константину Николаевичу. Например, в письме к самодержцу Иван Саввич пишет: «Августейший монарх, Государь, Всемилостивейший. Безвестный певец дерзает представить Твоему державному взору слабые плоды своего труда — свои безызвестные песни. Солнце, освящая моря и выси исполинских гор, согревает малую былинку — дикое дитя широкой степи...»

ДВА ПЕРСТНЯ И ЗОЛОТЫЕ ЧАСЫ

Были ли ответные письма Ивану Саввичу, неизвестно, но совсем скоро от царствующего дома Романовых поэту в знак уважения и признательности были посланы дары. Лично воронежский губернатор Ю.А. Долгоруков с экипажем приехал на постоянный двор Никитиных, дабы вручить подарки. Племянник поэта Л.А. Никитин так вспоминал это событие: «Днем к скромному домику Никитиных подлетели вдруг два кровных рысака. В экипаже сидел губернатор и, ка-

жется, два чиновника. Целый переполох начался в доме поэта. Губернатор вошел с чиновниками в дом Никитина и справился, дома ли Иван Саввич. Поэта в комнате не было. Его стали искать и, наконец, нашли на сеновале, куда частенько любил забираться, ища уединения, читал книги и разрабатывал там в тиши свои произведения. Узнав, что его спрашивает губернатор, поэт в большом смущении слез с сеновала и взволнованный явился к ожидавшему его сановнику, который объявил Ивану Саввичу о величайшем внимании к нему и тут же передал пожалованные подарки. Поэт от волнения почти не мог благодарить».

Губернатор вручил Ивану Никитину бриллиантовый золотой перстень от царствующей императрицы Марии Александровны и рескрипт от великого князя Константина Николаевича, а через несколько недель прибыли и другие подношения: золотые часы от вдовствующей императрицы Александры Федоровны и еще один бриллиантовый перстень от наследника. Присылал ли подарок Ивану Саввичу император Александр II, неизвестно.

Радости не было предела, в письме к своим нижедевицким друзьям, купцам-чете Брюхановым поэт хвалится: «...Представь: кроме перстня и рескрипта великого князя Константина Николаевича, я имел удовольствие получить полное собрание сочинений Пушкина от генерал-майора Комсена из Кременчуга и «Мертвые души» Гоголя, в золотом переплете, от другой почтенной особы...» В другом же своем письме, но уже к Н.И. Второву поэт с присущей ему детской простотой писал: «милый Николай Иванович, ура! От Государыни Императрицы Александры Федоровны сию минуту имел счастье получить золотые часы. Пожалуйте ко мне. Я прибег бы к вам сам, но у меня И.А. Придорогин (один из друзей по Второвскому кружку. — Р.С.) и сейчас будет Л-к. Приходите посмотреть...»

Нужно отметить, что судьба императорских подарков сложилось весьма печально. По воспоминаниям дочери двоюродного брата поэта А.В. Кузнецовой, часы и перстни достались ее отцу: «После смерти Ивана Саввича часы и два перстня достались ее отцу В.К. Никитину, который, затем, терпя нужду, продал часы поэта и оба перстня каким-то местным ювелирам».

КРИТИК ПРОТИВ ПОЭТА

Но радость длилась совсем недолго. Иван Саввич, пересмотрев свои ранние стихотворения, остался ими недоволен. И сам считал издание стихов отдельной книгой преждевременным, но было уже поздно — она вышла в свет. Спешка, ранние литературные опыты, работа над поэмой, а самое главное, редакция никитинских стихов самим Толстым (об этом Иван Саввич не знал), сделали свое дурное дело. Обрекли Ивана Саввича на резкую и жестокую оценку современных ему критиков.

Как только сборник попал к ним в руки, тут же на Ивана Саввича обрушился ярый шквал осуждений и насмешек. Первым, кто отрицательно отозвался о творчестве И.С. Никитина, стал Фаддей Венедиктович Булгарин — писатель и издатель журнала «Северная пчела». Сам же поэт, и без Булгарина понимавший слабость своих ранних стихотворений, с сарказмом отнесся к его критике: «...Вы не читали “Северной пчелы”? Ф. Булгарин, говорили мне, изволил сделать взгляд на мою книжку: “Что вот-де самородка произведение, исправленное и изданное г. Д.Н. Толстым, на которого смело можно положиться, что-де в самом деле книжка вышла премилая, что у меня-де есть кипы подобных самородных произведений, да все, знаете, некогда взяться за исправления...”»

Самую жесткую оценку стихам и ему лично дал Н.Г. Чернышевский, находившийся тогда на вершине критической славы в лучшем журнале страны — «Со-

временнике». Он-то и написал тогда анонимную обличительную статью о И.С. Никитине.

Чернышевский обвинил последнего в полном подражательстве и даже компилятивности. Критик писал: «...господин Никитин подражает тому или другому нашему поэту: он просто переделывает различные пьесы...» В частности, сравнивая некоторые стихи, опубликованные в сборнике, он уверял, что Иван Никитин переделывал стихотворения таких поэтов как А.С. Пушкин, Ф.И. Тютчев, Н.А. Некрасов, А.А. Фет, А.В. Кольцов и других: «...О переделках из Кольцова мы и не говорим: их целые десятки...» Далее Н.Г. Чернышевский обвинял Никитина в том, что тот не имеет понятия о реальной жизни, а в своих стихах черпает сюжеты из прочитанных книг. Но самое ужасное заключалось в том, что он говорил об Иване Никитине как о человеке, не имеющем никакого литературного таланта.

Такие несправедливые, резкие высказывания критика сильно задели Ивана Саввича и ввергли его в депрессию. В своем письме к журналисту А.А. Краевскому от 20 августа 1856 года поэт резко высказался о рецензенте и «Современнике»: «...“Современник” при первом появлении моих стихотворений в журналах был так добр — заметил в авторе признаки дарования; этот отзыв повторился раза два или три с разными вариациями, иногда не совсем удачными. Выходит в свет собрание моих стихотворений, мой первый опыт, изданный, без сомнения, преждевременно, что я и сам теперь вижу и чего не мог видеть за два года прежде, когда отдал свою рукопись издателю. И вот неизвестный сотрудник “Современника” становится в трагическую позу и дает бедному автору-мещанину заочно публичную пощечину, называя его бездарным существом, хотя, заметим в скобках, тот же “Современник” удостоил не так давно перед этим помещения на своих страницах одного из стихотворений бездарного существа без его просьбы и ведома (Никитин имеет в виду отзывы о его стихотворениях в «Заметках и размышлениях» «Нового поэта» за 1854 год — *Р.С.*). Господин рецензент так силился доказать взятую тему, как будто от ее решения зависит его собственное быть или не быть. Он называет автора подражателем всех бывших, настоящих и чуть ли не будущих поэтов... Господин рецензент говорит, что автор не видит окружающего его мира, сомневается даже, есть ли у него сердце, иначе, дескать, оно сочувствовало бы окружающему миру, а это сочувствие вызвало бы наружу нечто новое, неведомое господину рецензенту. Но, во-первых, он позабыл известную фразу: ничто не ново под луной. Люди на всякой общественной ступени — все те же люди. Та же в них светлая сторона в формах, может быть, более грубых, и та же мерзость, совершенно не новая. Во-вторых, почему не сделали и не делают доселе подобного упрека другим писателям, ну хоть, например, Жуковскому, который почти всю жизнь ездил на чертях и ведьмах, оставляя в стороне окружающий мир? В-третьих, всеобъемлющий господин рецензент упустил из виду примирение автора с горькой действительностью: оно совершается не так скоро... попробовал бы господин рецензент пройти по уши в грязи по той самой дороге, по которой идет автор-мещанин, я послушал бы тогда, как он воспел эту грязь и скоро ли взялся за пение! Наконец, где и у кого всякое отдельное стихотворение безукоризненно? На требование такого исключения способна одна редакция “Современника”, по мнению которой Пушкин много сделал для стиха и мало для поэзии. Взгляд — мировой, быстро умеющий замечать темные стороны у всех и всюду. Поневоле вспомнить-ся басня Крылова: Свинья на барский двор...».

Так же, несмотря на еще несколько отрицательных отзывов в журналах «Сын Отечества», «Москвитянин», «Русский вестник», никитинский сборник стихов все же удостоился похвал — в частности, в «Отечественных записках» Краевского и «Библиотеке для чтения» Дружинина.

В целом, несмотря на неприятие некоторых критиков, Иван Саввич распродал все

свои книги, присланные Толстым в Воронеж. В письме все к тем же Брюхановым автор сборника писал: «...Книжку стихотворений тебе посылаю, насилу отыскал: было 150, все дотла распроданы. В мае еще получу из Петербурга...».

Одну книгу Иван Саввич в знак уважения подарил столичному поэту А.Н. Майкову, с которым состоял в заочной дружбе. Известно, что Майков считал Ивана Никитина лучшим народным поэтом и всячески сочувствовал его литературному поприщу. Из их сохранившийся переписки мы узнаем, что еще 25 марта 1856 года Иван Саввич отправил Аполлону Николаевичу свой сборник стихов: «...Примите от меня в знак глубочайшего к Вам уважения первые опыты моего труда. Вижу, как он слаб и беден, но он мне дорог по тем воспоминаниям, которые с ним связаны...».

Напоследок хотелось бы сказать, что дружба Ивана Саввича Никитина и его первого книгоиздателя графа Дмитрия Николаевича Толстого в скором времени оборвалась. В 1859 году Толстой стал воронежским губернатором. Почти сразу начались недопонимания и обиды со стороны Дмитрия Николаевича на поэта за его политические и социальные взгляды, несовпадающие с существующей повесткой. В итоге это привело к полному разрыву дружбы Никитина и Толстого.

Что же касается первого сборника стихотворений Ивана Саввича, который так был выстрадан поэтом, то на сегодняшний день он является антикварной книжной редкостью, за ним охотятся коллекционеры и библиофилы России. Знал бы об этом Иван Никитин...

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

И.С. Никитин. Стихотворения. СПб.: В типографии Г. Бенике, 1856.

И.С. Никитин. Полное собрание сочинений. Под редакцией А.Я. Кракова. Екатеринослав: Издание Л.М. Ротенберга, 1914.

И.С. Никитин. Полное собрание сочинений и писем И.С. Никитина. Проверенный по рукописям и первопечатным источникам текст и варианты. Под редакцией, с биографическим очерком, статьями и примечаниями А.Г. Фомина. В 3-х томах. СПб.: Типо-литография Акционерного общества «Самообразование», 1912.

И.С. Никитин. Сочинения в 4-х томах. М.: Советская Россия, 1960–1961.

Черешнева Г.П. Письма И.С. Никитина // Новые материалы и исследования. Литературоведческий журнал (архив). 2012, № 30.

